

Институт истории материальной культуры РАН

Объединенные музеи Свято-Алексиевской Пустыни

Античный кабинет памяти Н. А. Чистяковой

Кафедра истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета

Новый Гермес

Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики

XVI, 1-2

Свято-Алексиевская Пустынь — Санкт-Петербург

2024

**Религиозная «экспертиза» и военные конфликты:
о характере военной мантики в древней
Греции в эпоху классики***

О. В. Кулишова, Л. Г. Печатнова

Популярность дивинации в древнем мире всегда вызывала множество вопросов у исследователей. У греков, как и у других древних народов, система гаданий и искусство интерпретации божественных знамений разного рода были особенно востребованы в военной сфере. Почему в ситуации, требующей немедленных рациональных решений, военачальник обращался, прежде всего, к кажущимся нам абсолютно иррациональными практикам гадания по полету птиц или внутренностям жертвенного животного?

Последние десятилетия отмечены новым всплеском интереса к проблеме дивинации в древности и попытками рассмотреть это явление в социальном, интеллектуальном и даже эпистемологическом контексте, оценивая его как способ и своего рода «институциональное средство» расширить границы знания в древних обществах¹. Большинство современных исследователей этой темы сходятся во мнении, что гадание в древности не может считаться лишь «суеверием» и описываться как «иррациональное» и «примитивное», — скорее, по словам В. Буркерта, оно «предлагает устоявшиеся формы моделирования реальности и социального взаимодействия, преодоления кризисов и конфликтов — и делает это с высокой степенью

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

¹ Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity / ed. by C. Addey. Abingdon, 2021.

рациональности»². Эта характеристика справедлива для понимания дивинации и ее значения в древнем мире в целом, с учетом и того обстоятельства, что общие для ближневосточных и средиземноморских культур формы и черты сочетаются с особенностями местных вариантов, которые характеризуются взаимодействием собственных традиций и межкультурных проникновений.

Если обратиться к традиционной военной мантике древних греков, следует заметить, что, как известно, особым авторитетом пользовались словесные прорицания — оракулы, полученные в результате либо личных консультаций, либо официальных обращений той или иной греческой общины по «военным» поводам в авторитетные панэллинские религиозные центры; к весьма распространенным в делах войны следует отнести и гадания по поведению птиц, толкование сновидений, а также гадательные жертвоприношения, которые будут предметом особого внимания в данной статье.

Упоминания о гадательных жертвах в связи с военными предприятиями очень часто встречаются в исторических сочинениях классического времени, однако в гомеровских поэмах указания на этот тип гадания отсутствуют. Сообщения историков — Геродота, Фукидида, Ксенофонта — находят интересные параллели в аттической трагедии, а также в визуальных источниках, прежде всего в вазописи. Эти свидетельства позволяют изучить структуру и основные компоненты данных ритуалов, рассмотреть бытовавшие способы толкования подобных божественных знамений и их значение в военных предприятиях древних греков, а также отметить важные особенности древнегреческой военной мантики в эпоху классики.

Из авторов классического времени особенно красноречивыми в этой связи оказываются свидетельства Ксенофонта. Он очень часто подчеркивает значимость божественных знамений, к которым относится с особым пиететом, и указывает на необходимость для военачальника обращаться к ним в трудные минуты принятия решений³: по его словам, «не многочис-

² Burkert W. Signs, commands, and knowledge: ancient divination between enigma and epiphany // *Mantikē: Studies in Ancient Divination* / ed. by S. I. Johnston, P. T. Struck. Leiden, 2005. P. 29.

³ См. об этом подробнее: Anderson R. T. "Work with the god": military divination and rational battle-planning in Xenophon // *Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity*. P. 84–108.

ленность и не сила дают на войне победу, но враги по большей части не выдерживают натиска тех, кто устремляется на них с мужеством в сердце и уповая на помощь богов» (Anab., III, 1, 42, пер. М. И. Максимовой). Ксенофонт не раз перечисляет те способы гаданий, которые чаще всего практиковались в военных делах: «Одни боги знают все, и кому желают, предуказывают в жертвах (ἐν ἱεροῖς), птицах (ἐν οἰωνοῖς), человеческом голосе (ἐν φήμασι) и сне (ἐν ὀνειράσιν)» (Hipparch., 9, 9, пер. Г. А. Янчевецкого).

Именно об этих видах гаданий преимущественно идет речь и в его «Анабасисе». Так, прежде чем присоединиться к походу Кира, Ксенофонт, по совету Сократа, спросил Дельфийский оракул (III, 1, 5–8). В непростой ситуации во время похода, после смерти Кира и захвата греческих военачальников, он рассказывает о том, что увидел сон, который посчитал посланным ему Зевсом-Царем и о неоднозначном содержании которого наш автор многозначительно заключает, что окончательно смысл его можно было понять из наступивших последствий (III, 1, 11–13). Когда Ксенофонт покидал Эфес, то стал свидетелем нового знамения — по правую руку от него внезапно закричал сидевший на месте орел, и этот знак получил пространное толкование сопровождавшего его прорицателя (VI, 1, 23). Во время похода десяти тысяч войско постоянно обращалось к гадательным жертвоприношениям перед началом очередных передвижений или вступлением в сражение, и сам Ксенофонт неоднократно прибегал к гаданиям по жертвам, всякий раз как шла речь о принятии важных решений — персональных или коллективных (например, VI, 1, 22–24; 2, 15).

Кроме того, существовало и множество игравших весьма значительную роль божественных знамений иного рода, которые также упоминаются и у Ксенофонта, и у других греческих авторов. Так как засвидетельствованные античной литературной традицией способы гаданий в связи с войной уже не раз становились предметом описания и систематизации еще со времени знаменитой работы О. Буше-Леклерка (*Histoire de la divination dans l'antiquité*. Т. 1–4. Paris, 1879), ограничимся лишь их перечислением⁴. Наиболее впечатляющими для древних были не-

⁴ Об этом см., например: Lonis R. Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. Recherches sur les rites, les dieux, l'idéologie de la victoire. Paris, 1979; Trampedach K. Politische Mantik. Die Kommunikation über Götterzeichen und Orakel im klassischen Griechenland. Heidelberg, 2015;

бесные явления, а среди них — солнечные и лунные затмения (соответственно Hdt., VII, 37; IX, 10; Plut. Per., 35 и Thuc., VII, 50,4; Plut. Nic., 23). Важными предзнаменованиями также считались удар грома или вспышка молнии среди ясного неба (Xen. Hell., IV, 7, 7; VII, 1, 31), появление кометы или падение метеорита (Plut. Lys., 12). Особенно грозным знамением для военной экспедиции были землетрясения (Hdt., VI, 98; VIII, 64; Thuc., II, 8, 3; III, 89, 1; VI, 95, 1; Xen. Hell., III, 2, 24; IV, 7, 4–5), которые, как полагали древние греки, вызывал Посейдон. Кроме упомянутых авторов эпохи классики, на это выразительно указывают также Диодор (XV, 48–49) и Павсаний, приписывавший силе и могуществу Посейдона землетрясение, разрушившее Спарту во время восстания мессенцев в 464 г. до н. э. (IV, 24, 5–6; VII, 24, 6).

Указания на значение сновидений перед крупной военной акцией мы встречаем не только у Ксенофонта, но и у других писателей (Hdt., VII, 12–18; Diod., XIII, 97, 6–7; XVI, 33, 1; Plut. Pelop., 22, 1; Paus., IV, 26, 3). Среди прочих божественных знаков древние авторы указывают также на неподдающиеся рациональному объяснению неожиданные катастрофы — жестокие эпидемии (Hdt., VI, 27; Thuc., II, 47–54), которые греки еще со времен «Илиады» связывали с Аполлоном, как насылающим болезни, так и избавляющим от них. К такого же рода знамениям относили неожиданное разрушение зданий, которые загорались или обрушивались (Hdt., VI, 27; Paus., III, 9, 1). Как предостережение рассматривалось необычное поведение животных, независимо от того, считались ли они священными или нет (Hdt., VIII, 41; Xen. Anab., VI, 5, 2; Plut. Them., 10, 1–2; 12, 1; Nic., 13; Dion., 24, 3–5). Древние греки придавали значение и чиханию, если оно сопровождало какие-либо действия или высказывания (Xen. Anab., III, 2, 9; Plut. Them., 13). Важная роль отводилась также предзнаменованиям, заключающимся в звуках и словах, — тому, что греки обозначали термином κληδών⁵ (Hdt., IX, 91). Наконец, существовали знамения, связанные с различными чудесными происшествиями: появлением пламени, которое внезапно вырвалось из груди статуи божества (Hdt., VI, 82), передвижением

или исчезновением оружия, которое было повешено и прикреплено в храме (Xen. Hell., VI, 4, 7; Diod., XV, 53, 4), рождением необычных существ, имеющих, как правило, монструозные черты (Hdt., VII, 57; Plut. Dion., 24, 5) и т. д.

Как уже упоминалось, пожалуй, одним из самых распространенных видов военной мантики в эпоху классики из всего этого разнообразия оказываются именно гадательные жертвоприношения, которые в уже приведенном выше «списке» Ксенофонта (Hippiarch., 9, 9) стоят на первом месте, как кажется, вовсе не случайно. Обратиться именно к этому виду гаданий и рассмотреть его подробнее заставляет и то обстоятельство, что этот, так широко практиковавшийся в классическую эпоху способ гадания, в поэмах Гомера мы не встречаем. В то же время уже в гомеровских поэмах зафиксирован обычай относиться с особым вниманием к внутренностям жертвенных животных (τὰ σπλάγχνα — внутренности, особенно сердце, печень, легкие). По-видимому, первоначально они вынимались, обжаривались и съедались как первая часть жертвенной трапезы, преимущественным правом при этом пользовался «узкий круг» участников обряда, тех, кто ближе всего стоял к алтарю⁶.

Гадание по внутренностям жертвенных животных впервые у греков, как считают, засвидетельствовано в изображениях на аттических вазах VI в. до н. э.⁷, однако, по-видимому, вошло в употребление еще ранее этого времени. По мнению большинства современных исследователей, распространение этого вида гаданий произошло, прежде всего, под влиянием издавна существовавших и детально разработанных ближневосточных практик⁸. Сами древние греки относили его к довольно ранним временам: так, у Эсхила Прометей ставит себе в заслугу то, что научил людей толковать среди прочих знаков божественной воли и знамения подобного рода (Prom., 485–499). Еще один сохранившийся миф называет изобретателем гаданий по жертвам Дельфа, сына Аполлона (Plin. NH, VII, 203), что позволяет предположить возможное влияние Дельфийского святилища в распространении подобной практики. Замечание же Геродота о том, что искусство предсказания по жертвенным животным (τῶν ἱρῶν ἢ μαντική) пришло в Грецию из Египта (II, 58), следует отне-

Dillon M. Omens and oracles. Divination in ancient Greece. New York, 2017. Об эпохе греческой классики см. также: Кулишова О. В. Война и религиозное сознание в древней Греции в V в. до н. э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. 2003. Вып. 1. № 2. С. 3–6.

⁵ Об этом виде предзнаменований см.: Flacelière R. Devin et oracles grecs. Paris, 1961. P. 18–20.

⁶ Burkert W. Greece religion. Cambridge, Mass, 1985. P. 56.

⁷ Об этом подробнее см.: Dillon M. Omens and oracles. P. 232–234.

⁸ Dillon M. Omens and oracles. P. 212; Parker R. Divination // The Oxford classical dictionary. 4th ed. Oxford, 2012. P. 469.

сти на счет его общего стремления именно оттуда выводить все религиозные установления греков.

В сочинениях историков эпохи классики жертвоприношение, включавшее гадание по внутренностям жертвы, обычно обозначалось общим понятием *ιέρᾱ*, которое использовалось для обозначения и жертвоприношения, и жертвы. Понятие «гиероскопия» (*ιεροσκοπία*), которым позднее обозначали такие гадания по внутренностям жертвы, так же как и слово «гепатоскопия» (*ἥπατοσκοπία*, от *ἥπαρ*, печень), тоже использовавшееся для специального обозначения гаданий по печени, в греческой литературе классического периода не встречается⁹.

Факт совершения гадательных жертвоприношений обозначался выражением *τὰ ἱερά ἐγίνετο*, что часто могло означать и его благоприятный исход (например, *Хен. Анаб.*, VI, 5, 2: *τὰ ἱερά γίνετα*). Получение «хороших» знамений также передавалось глаголом *καλλιερεῖν* либо выражением *τὰ ἱερά καλά*, которое особенно часто использует Ксенофонт (*Анаб.*, I, 8, 15; IV, 3, 9).

В эпоху классики гадательные жертвоприношения преимущественно практиковались в военных делах, хотя были также востребованы перед началом всякого значительного предприятия в повседневной жизни и могли использоваться и в индивидуальной практике. Одно из самых примечательных описаний подобного гадания мы находим у Еврипида: после жертвоприношения, совершенного Орестом, Эгисф осматривает внутренности животного и сразу же произносит пророческий вердикт в отношении своей злосчастной судьбы — отсутствие доли печени (ее «головки») и состояние желчного пузыря возвещают ему несчастья (*El.*, 819–829). В военных условиях, очевидно, этот вид гадания оказывается предпочтительным в сравнении с другими знамениями именно потому, что мог гарантировать немедленный результат — в сравнении, например, с птицегаданием, прежнее значение которого, очевидно, несколько уменьшается в эту эпоху (в гомеровских поэмах в подобных случаях прибегали как раз к этому типу гадания; см., например, в «Илиаде» призыв Приама к Зевсу отправить ему знак: *Hom. Il.*, XXIV, 315–320).

⁹ В I в. до н. э. у Диодора упоминаются *ιεροσκοποι* (гадатели по жертвам) в рассказе об этрусках (*Diod.*, XXXII, 12, 2), вероятно, как греческий перевод латинского «гаруспики» (*haruspices*); его сообщение в этом месте может восходить к более ранней традиции, скорее всего, к Посидонию (F 85 Theiler, ср.: F 133 Theiler). См. об этом подробнее: Dillon M. *Omens and oracles*. P. 213.

Из многочисленных указаний греческих авторов эпохи классики следует, что во время гадательных жертв оценивались, прежде всего, печень, и желчный пузырь, а также селезенка, легкие и сердце¹⁰. Особое внимание уделялось осмотру печени и состоянию ее отдельных частей — «долей» (*λοβοί*). Как наиболее зловещее предзнаменование толковалась печень с отсутствующей долей (*ἄλοβα*, отсюда *ιερά ἄλοβα* — см.: *Хен. Hell.*, III, 4, 15; IV, 7, 7; *Plut. Ages.*, 9 et al.).

У греков для целей гадательной жертвы использовали крупный и мелкий рогатый скот, прежде всего коров и овец¹¹. В то время как в случае индивидуальных гаданий такая практика была все же относительно дорогой, отряды греческих воинов сопровождали в походе целые стада животных, предназначенных для гадательных жертвоприношений и готовых для использования на предмет определения воли богов в любое время (*Хен. Lac. pol.*, 13, 3 — Ксенофонт говорит о животных различных видов (*σφάλια δὲ παντοῖα*), ср.: 15, 5; *Paus.*, IX, 13, 4).

О том, что практика гадательных жертвоприношений была общей для жителей различных областей греческого мира и осуществлялась по одним и тем же правилам, показывают неоднократные упоминания Ксенофонта в «Анабасисе» о гадательных жертвоприношениях во время похода десяти тысяч греческих наемников, которые происходили из разных полисов.

В военном деле гадания по жертвам применялись, прежде всего, 1) для решения вопроса о том, выступать ли в поход, 2) при пересечении границ собственного государства, 3) а также перед началом того или иного сражения, так как поддержка богов считалась важнейшим фактором успеха на любом этапе военной кампании, независимо от ее масштаба. Особенно часто в античной литературной традиции гадательные жертвоприно-

¹⁰ Аристотель в трактате «О частях животных», ссылаясь на практику осмотра внутренних органов жертвенных животных, специально останавливается на некоторых изменениях, которые в них встречаются чаще всего: «...почки часто оказываются полны камней, опухолей, кровяных язв, так же как и печень; равным образом и легкое, а больше всего — селезенка. Многие другие болезненные изменения бывают у них видны» (*Arist. Part. an.* III, 4 667a 34–b 7 пер. В. П. Карпова).

¹¹ В то время как в походных условиях овец и коз перегонять было удобнее, чем крупный рогатый скот, использование последнего могло объясняться и практическими соображениями — снабжением войска продовольствием; см. об этом, например: Dillon M. *Omens and oracles*. P. 214.

шения упоминаются в связи со спартанским войском, считавшимся лучшим в Греции.

«Разработанный символизм спартанского ритуала», по выражению Р. Паркера¹², прекрасно иллюстрирует рассказ Ксенофонта. Он описывает гадательные жертвоприношения, предшествовавшие началу военной кампании и совершаемые царями еще в самой Спарте: «Прежде всего, находясь еще дома, он (царь. — О. К., Л. П.) приносит жертву Зевсу-Агетору и божествам, его спутникам¹³. Если жертвы благоприятны, «носитель огня»¹⁴ берет огонь с алтаря и несет его впереди всех до границы государства. Здесь царь вновь приносит жертвы Зевсу и Афине. Только в том случае, если оба божества благоприятствуют началу, царь переходит границы страны. Огонь, взятый от жертвенного костра, несут все время впереди, не давая ему угаснуть; за ним ведут жертвенных животных различных видов» (Лас. рол., 13, 2–3, пер. Л. Г. Печатновой). Ксенофонт замечает также, что каждый раз царь начинает приносить жертвы еще «в предрассветных сумерках», стремясь заранее снискать расположение божества (13, 3).

Именно для лакедемонян, по-видимому, имели первостепенное значение гадательные жертвоприношения, которые совершались на границе государства и назывались диабатериями (διαβατήρια). Ксенофонт специально обращает внимание читателей на то, что в полевых условиях публичная церемония жертвоприношения происходит в присутствии высшего военного и гражданского руководства страны — свидетелей и гарантов правильности совершаемых царем манипуляций: «При жертвоприношениях присутствуют полемархи, лохаги, пентекостеры, командиры наемников, начальники обоза, а также всякий желающий из военачальников союзных городов. Также присутствуют

¹² Parker R. Spartan religion // Classical Sparta, techniques behind her success / ed. A. Powell. London, 1989. P. 157.

¹³ Под спутниками Зевса, по-видимому, имеются в виду покровители Спарты братья-близнецы Диоскуры, Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды (ср.: Hdt. V, 75, 2; Paus. IV, 27, 2); к спутникам Зевса спартанцы могли причислять и Менелая. См. об этом: Печатнова Л. Г. Исторические комментарии к «Лакедемонской политике» Ксенофонта // Ксенофонт. Лакедемонская политика / пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Л. Г. Печатновой. СПб., 2014. С. 183–184.

¹⁴ «Носителем огня» (πυρφόρος) в Спарте назывался жрец, сопровождавший в походе армию со священным неугасимым огнем и пользовавшийся привилегией неприкосновенности.

два эфора, которые ни во что не вмешиваются, пока их не призовет царь» (13, 4–5, пер. Л. Г. Печатновой). Столь подробное описание свидетельствует о том, какое огромное значение спартанцы, как и сам Ксенофонт, придавали точному исполнению всех необходимых для успеха военной кампании ритуалов. Многозначительно заключение Ксенофонта относительно ключевого пункта спартанского военного профессионализма: «Так что, глядя на это, можно подумать, что все прочие — профаны в военном деле, и только одни лакедемоняне — истинные знатоки» (13, 5, пер. Л. Г. Печатновой).

Особенно удачным считалось гадание, которое с первого раза демонстрировало хорошие знаки и расположение богов (τὰ ἱερά κατὰ τὴν εὐθὺς ἐπὶ τοῦ πρώτου — Xen. Anab., IV, 3, 9). Однако часто благоприятные знамения сразу получить не удавалось, в этом случае следующая жертва приносилась до тех пор, пока не достигался желаемый результат. «Дурные» знамения часто оказывались причиной отказа от первоначального плана, пусть и на время, по этой причине могли быть отложены день вступления в сражение или начало битвы (Hdt., IX, 36–37; Xen. Hell., III, 1, 17–19; VI, 4–5 et al.).

При Платеях в 479 г. до н. э. спартанцы, неся потери под градом персидских стрел, не вступали в сражение до тех пор, пока после молитвы Павсания не были получены благоприятные знамения: «Лакедемоняне стали тогда приносить жертвы, однако счастливые жертвы не выпадали, и за это время успело пасть много воинов и еще больше было ранено. Персы, сомкнув свои плетеные щиты, непрерывно осыпали эллинов градом стрел. Спартанцы попали в тяжелое положение, а жертвы все выпадали неблагоприятные. Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартанцев. В то время как он еще так молился богине, тегейцы первыми поднялись и двинулись на варваров. Сразу же после молитвы Павсания жертвы для лакедемонян выпали благоприятные. Тогда и лакедемоняне также пошли на персов» (Hdt., IX, 61–62, пер. Г. А. Стратановского; ср.: Xen. Hell., IV, 6, 10 — Агесилай приносил жертвы под градом стрел и дротиков акарнанцев).

Известно множество случаев, когда спартанские командующие отказывались от первоначальных планов из-за неблагоприятных знамений, полученных при совершении этого об-

ряда¹⁵. Так, Агесилай в 396 г. до н. э. отказался от продвижения вглубь Малой Азии из-за того, что печень жертвенного животного оказалась «без доли» (Xen. Hell., III, 4, 15). Царь Агесиполид во время похода на Аргос в 389 г. до н. э. из-за подобного же неблагоприятного знака вывел войско из Арголиды и распустил по домам (IV, 7, 7).

Для совершения гадательных жертвоприношений войско, как правило, сопровождали специальные прорицатели — «мантисы» (μάντις). Такое наименование прорицателей мы встречаем не только в связи с гадательными жертвоприношениями, но и с другими видами греческой мантики (очевидно, что их компетенция была шире и не ограничивалась специализацией на толковании гадательных жертв). Исследователи, как правило, обращают внимание на то, что μάντις в качестве толкователей знамений имели официальный статус в отличие, например, от χρησμολόγοι — неофициальных толкователей (см., например: Thus., VIII, 1, 1)¹⁶.

Однако весьма многочисленными являются примеры, когда сам военачальник определяет по жертвам волю божества, так что очевидно, что он и сам владел необходимыми общими навыками толкования таких знамений. Для их приобретения не требовалось какой-то специальной подготовки. Ксенофонт указывает, что опыт в деле интерпретации гаданий по жертвам можно приобрести наблюдением — присутствуя при жертвоприношениях (Xen. Anab., V, 6, 29). Это позволяло немедленно определить, благоприятны или нет знамения, что имело первостепенное значение в условиях войны, в то время как более детальные наблюдения и их толкование оставались в руках «специалистов»-прорицателей.

Толкование этого вида гадания у греков, по-видимому, не предполагало столь тщательной детализации, как в ближневосточной, а также в целом ряде других традиций. Исследователи, обращавшиеся к гаданию по жертвам у других народов, справедливо отмечали, что этот способ узнавания воли божества

¹⁵ По замечанию Л. Г. Печатновой, во всей спартанской истории известен только один, да и то незначительный случай, когда военачальник не отказался от экспедиции, несмотря на неблагоприятные предзнаменования (Xen. Hell., IV, 8, 35–36); см.: Печатнова Л. Г. Исторические комментарии... С. 183–184.

¹⁶ Argyle A. W. Χρησμολόγοι and μάντις // Classical Review. 1970. Vol. LXXXIV. P. 139; Parker R. Divination. P. 469.

у греков не был так широко распространен, как в ближневосточных практиках или в этрусской традиции (ср., например, сохранившиеся модели печени из Вавилона или Этрурии, на которых выделены десятки сегментов, изменение в каждом из которых имело свое значение и требовало специального объяснения). Круг вопросов, становившихся поводом для обращения к гадательным жертвам, согласно вавилонским табличкам, гораздо шире, в то время как греки это практиковали главным образом (хотя, как уже упоминалось, и не исключительно) в военных делах и в других случаях в повседневной жизни чаще прибегали к менее дорогостоящим, чем принесение животного в жертву, способам гадания¹⁷.

Хотя до нас не дошло специальных сочинений на эту тему в древнегреческой традиции, вполне вероятно, что прорицатели могли для своих собственных целей делать какие-то записи, чтобы информация сохранялась в семьях, профессиональным образом «специализировавшихся» на подобного рода занятиях. По крайней мере, такой пример мы встречаем у Исократы, упоминавшего о книгах по искусству прорицания, которые прорицатель Полеменет, умирая, оставил своему ксену Фрасиллу и которые, в свою очередь, перешли его сыну Фрасилоху (Isocr., XIX, 5–6; 45).

В заключение еще раз укажем на те особенности военной мантики древних греков, которые позволяет отметить анализ свидетельств античной литературной традиции, касающихся практики гадательных жертвоприношений. Особая популярность в делах войны именно этого вида гаданий, не зафиксированных в гомеровских поэмах и появившихся под влиянием ближневосточных практик, широко засвидетельствована в исторических сочинениях эпохи классики — трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта, в центре внимания которых прежде всего находятся военные конфликты различного характера и масштаба. Гадание по жертвенным животным, по-видимому, несколько «потеснило» ранее имевшее большее распространение в военных делах традиционное гадание по поведению птиц, к которому часто прибегают гомеровские герои. Вместе с тем очевидно,

¹⁷ По предположению М. Диллона, преимущественное использование таких гаданий в военной сфере «может свидетельствовать о том, что греки встретились с экстиспицией, применяемой их ближневосточными соседями, именно в военных условиях (например, в Ионии)», см.: Dillon M. Omens and oracles. P. 215.

что, оказываясь примером межкультурного взаимодействия, эта практика гаданий у греков демонстрирует ее относительную простоту в сравнении с ближневосточными образцами. Как правило, при греческом войске имелись профессиональные прорицатели, специализирующиеся на данном виде гадания, в ведении которых находилось более детальное толкование божественных знаков по внутренним органам жертвы, важнейшим из которых для наблюдения была печень. Однако у греков этот тип гаданий позволял и не имеющему специальной подготовки в данной области военачальнику немедленно определить, благоприятны или нет знамения, что имело первостепенное значение в условиях военной ситуации, требовавшей оперативных решений.

Несмотря на неоднократно встречающиеся в античной традиции примеры критики и скепсиса, как правило, в отношении конкретных ситуаций и отдельных пророков, широкое распространение гадательных практик не может считаться лишь данью суевериям и возможностью для манипуляций со стороны ловких политиков и военачальников. Очевидно, что для античных авторов — и для Геродота, постоянно обращавшегося к оракулам, и для более скептически настроенного Фукидида, и для Ксенофонта, относившегося к божественным знамениям с особым пиететом — военная мантика, позволявшая заручиться поддержкой богов, оказывается необходимой частью процесса принятия ответственного решения в непростых условиях войны, своего рода помощью и средством убедиться в его правильности.

Использованная литература

Кулишова О. В. Война и религиозное сознание в древней Греции в V в. до н. э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 2003. Вып. 1 (№ 2). С. 3–15.

Печатнова Л. Г. Исторические комментарии к «Лакедемонской политике» Ксенофонта // Ксенофонт. Лакедемонская политика / пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Л. Г. Печатновой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2014. С. 75–219.

Anderson R. T. “Work with the god”: military divination and rational battle-planning in Xenophon // *Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity* / ed. by C. Addey. Abingdon: Routledge, 2021. P. 84–108.

Argyle A. W. Χρησολόγοι and μάντιες // *Classical Review*. 1970. Vol. LXXXIV. P. 139.

Burkert W. *Greece religion*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. 493 p.

Burkert W. Signs, commands, and knowledge: ancient divination between enigma and epiphany // *Mantikē: Studies in Ancient Divination* / ed. by S. I. Johnston, P. T. Struck. Leiden: Brill, 2005. P. 29–49.

Dillon M. *Omens and oracles. Divination in ancient Greece*. New York: Routledge, 2017. 461 p.

Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity / ed. by C. Addey. Abingdon: Routledge, 2021. 320 p.

Flacelière R. *Devin et oracles grecs*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 163 p.

Lonis R. *Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. Recherches sur les rites, les dieux, l'idéologie de la victoire*. Paris: Les Belles Lettres, 1979. 363 p.

Parker R. *Spartan religion // Classical Sparta, techniques behind her success* / ed. by A. Powell. London: Routledge, 1989. P. 142–172.

Parker R. *Divination // The Oxford classical dictionary*, 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 469–470.

Trampedach K. *Politische Mantik. Die Kommunikation über Götterzeichen und Orakel im klassischen Griechenland*. Heidelberg: Verlag Antike, 2015. 650 S.

References

C. Addey (ed.) *Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity*. Abingdon, Routledge, 2021, 320 p.

Anderson R. T. “Work with the god”: military divination and rational battle-planning in Xenophon. In: C. Addey (ed.) *Divination and knowledge in Greco-Roman antiquity*. Abingdon, Routledge, 2021, p. 84–108.

Argyle A. W. Χρησολόγοι and μάντιες. *Classical Review*. 1970, vol. LXXXIV, p. 139.

Burkert W. *Greece religion*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1985, 493 p.

Burkert W. Signs, commands, and knowledge: ancient divination between enigma and epiphany. In: Johnston S. I., Struck P. T. (eds.) *Mantikē: Studies in Ancient Divination*. Leiden, Brill, 2005, p. 29–49.

Dillon M. *Omens and oracles. Divination in ancient Greece*. New York, Routledge, 2017, 461 p.

Flacelière R. *Devin et oracles grecs*. Paris, Presses Universitaires de France, 1961, 163 p.

Kulishova O. V. *Voyna i religioznoye soznaniye v drevney Gretsii v V veke do nashey ery* [War and religious consciousness in ancient Greece in the 5th century BC]. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 2. 2003, iss. 1 (no. 2), p. 3–15 (in Russian).

Lonis R. *Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. Recherches sur les rites, les dieux, l'idéologie de la victoire*. Paris, Les Belles Lettres, 1979, 363 p.

Parker R. Spartan religion. In: Powell A. (ed.) *Classical Sparta, techniques behind her success*. London, Routledge, 1989, p. 142–172.

Parker R. Divination. In: *The Oxford classical dictionary*, 4th ed. Oxford, Oxford University Press, 2012, p. 469–470.

Pechatnova L. G. *Istoricheskiye kommentarii k "Lakedemskoy politii" Ksenofonta* [Historical comments on Xenophon's "Lacedaemonion Politeia"]. In: *Xenophon. Lacedaemonion Politeia* / Transl. by L. G. Pechatnova. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2014, p. 75–219 (in Russian).

Trampedach K. *Politische Mantik. Die Kommunikation über Götterzeichen und Orakel im klassischen Griechenland*. Heidelberg, Verlag Antike, 2015, 650 S.